

В день рождения — о самом дорогом!

Нет, не случайно произошел этот разговор с народным артистом СССР Евгением Матвеевым. В день его рождения, 8 марта, его поздравляют друзья, коллеги, почитатели таланта актера и режиссера. Сегодня Евгению Семеновичу исполняется шестьдесят, и он невольно вспоминает о всех тех женщинах, которые освещали его путь — в жизни и творчестве. И прежде всего о самой дорогой женщине — матери Надежде Федоровне.

Евгений МАТВЕЕВ:

«Для меня мама — это святыня»

— Именно с матери начинается наше понимание жизни, — говорит он раздумчиво, все более разгораясь. — Для меня мама — это святыня. А как же может быть иначе? Я очень боюсь банальностей. Но действительно — дети иногда не осознают, что матери хотят им добра. Понимание чаще приходит позднее, с возрастом.

Моя мама была неграмотной крестьянкой, воспитанной в очень богомольной семье. Но я не помню, чтобы она хоть единым словом приучала меня к боговерству. Почему? Думаю, потому, что в ее душевной сути было заложено ощущение правды жизни — не книжное, не церковное, а природное, человеческое. Может быть, она стала такой потому, что росла в семье тринадцати детей и не могла быть избалованной, заняченной. С самого раннего возраста она привыкла к труду — нелегкому, крестьянскому, от зари до зари. Меня же она никогда труду не поучала. Я слышал только: «помоги», что бы она ни делала. И это магическое слово «помоги» — дедушке, бабушке, людям, которым что-то делать тяжело, — стало почти натурой. С семи лет я просто работал в колхозе — собирал колоски на уборочном поле, уничтожал грызунов, позднее научился обращаться с лошастью, запрыгал ее и распрягал, кормил и поил... И это казалось естественным — как дыхание.

Мы часто призываем — и по радио, и по телевидению — надо приучать к труду. А как это — воспитывать трудом? Наверное, с детства. Ребенок идет в детский сад — он должен уметь сам одеться... В моем детстве было другое: мы берегли — ботинки, брюки, любую вещь. От бедности или от жадности? Нет, скорее от святости. Ведь все это кто-то сделал, кто-то шил... Меня поражает лозунг «Берегите хлеб!». Неужели тот, кто бросит булку на улице, устыдится этого плаката!.. А если у тебя волдыри на руках от лопаты, которой копал картошку, — как же ты сможешь иначе относиться к хлебу, к ботинкам, к гвоздю...

Мне кажется, как ни парадоксально это сегодня звучит, в маме была неспорченность от неграмотности. Но она ужасно страдала от того, что сын ее не может учиться. Ради этого она уехала в районный центр Цюрипинск, нанялась уборщицей в школу — чтобы я учился. Это потребность души материнской, женской — сделать ребенка счастливей... Через много лет, когда мы стали жить уже в Москве, вместе с женой моей Лидой научили маму читать. Как же она читала! Переживала все, что происходило в книге, плакала или смеялась до слез...

Что еще меня всегда поражало в маме, перед чем я всегда преклонялся, так это перед ее тактичностью. Человеку свойственно торопиться рассказать, где у него болит. Иной приходит на работу и, пока не выплеснет все свои беды, не может делом заниматься. Мама никогда никому не выкладывала своих горестей, не хотела соз-

давать неудобства другому человеку — разве ему легче от твоих несчастий. А мы, дети, не щадим материнского сердца, бьем в него, как в колокол, — бежим к матери, когда плохо, когда голодно, бежим, когда болит... Первые годы столичной жизни мама стеснялась ходить в магазины — боялась, что ее не поймут, ведь она по-русски очень плохо говорила. Откуда в ней была такая удивительная, трогательная деликатность? Мы иногда путаем деликатность с образованностью, информированностью. Мамина деликатность была совсем из другой «породы». Помню, мы смотрели спектакль, и я наблюдал, как она реагирует. Скажем, все смеются, а мама, смеясь, закрывает рот рукой — ну как же, люди работают, то есть актеры, а они, зрители, громко смеются, мешают. Это тот же такт, та же святость в отношении к труду другого человека.

Мама... Да, она для меня идеальна, совершенна. Потому что она была человеком простым и ясным. Очень хотел бы походить на нее, но, честно говоря, боюсь от той силы информации, окружающей современного человека, потерять то, что мама передала мне в наследство. Порой ловлю себя на том, что не могу быть таким же естественным в выражении своих чувств, что скорее притворяюсь... Почему я люблю роли и фильмы, где есть простой человек? Потому что он бесхитростный. Вот мы сейчас с моими студентами во ВГИКе готовим «Грозю», и там Борис так же удивляется, глядя на Варвару и Кудряша, как я на маму, — их открытости общения, естественности... Я люблю обсуждать свои фильмы среди простого зрителя — он скажет прямо, что нравится, что нет. Да пусть не обидятся мои коллеги, в кругу профессионалов слышишь порой много умных слов, но никак не можешь уловить искренности. А это — великое качество души.

Во всех женщинах моих фильмов мама хоть в чем-то, но присутствует. Ефросинья из «Судьбы» — тоже моя мама. Исполнительнице этой роли Зинаиде Кириенко я много о ней рассказывал, потому что образ ее видел в героине... Что вообще объединяет женщин России? Они умеют терпеть. Может быть, ни одна женщина мира так не страдала, как наша — от разрушений, разлук и потерь. Когда мы снимали фильм «Всего дороже», приехали в Черкасскую область, в деревню Хлыстуновку. Все мужики из нее ушли на фронт и ни один не вернулся. Село вдов — разного возраста, кто с детьми, а кто и без них. Они и до сих пор вдовы, женщины, лишенные самого естественного, самого драгоценного — счастья любви. Теперь они радуются внукам... И никогда они не жаловались. Только когда стало о том времени вспоминаться, когда растеребили их память — они плакали. Плакали оттого, что все это пережили. А как только в печати появилось сообщение о том, что в Англии хотят разместить новое оружие, ракеты, хлыстуновские вдовы написали Тэтчер письмо: в их

понимании женщина не может быть способной на такое...

Думая, вспоминая о маме, я пришел к убеждению: один ребенок — несчастье, потому что слишком много он получает, ему потом тяжело отплачивать. Это не значит, что я хороший отец — наверное, своих детей я тоже балую. Слава богу, у них нет запросов. Они умеют радоваться тому, что я сам им даю. А ведь мы знаем, что есть слово «дай». И так оно, к огорчению, часто определяет отношения детей к родителям. Можно ли уважать человека, мать которого тратит себя на двух работах ради того только, чтобы купить дочке новые модные сапоги... Испокон века матери жертвовали собой, но мы-то почему с легкостью и того хуже — с требовательностью принимаем их жертвы? Я вижу, знаю — есть люди, которые способны жить за счет других или за счет общества, ничего ему не давая взамен. Не трудясь, не заботясь о своем Отечестве. Таких людей я ненавижу, о них-то и говорю в новой своей картине «Бешеные деньги».

Почему вдруг Островский? Поначалу я раздражался от такого вопроса. Но потом понял: он естествен. Да, зрители привыкли к моим героям на экране — труженикам, солдатам, простым людям, попадающим на крутые гребни современной жизни. Зрители уже как бы вошли в сферу этих героев. Но если в предыдущих своих работах я воспевал прекрасное, человека сильного, мудрого, мужественного, доброго, то «Бешеными деньгами» отрицаю потребительский образ жизни, лицемерие, ханжество, наслаждение «красивостью» существования. Все это я не принимаю в людях, так почему же об этом не сказать? И другая сторона — художник, актер или режиссер не должен проходить мимо ценнейшего наследия отечественной классики. Не смеет — ибо нередко свое «знание жизни» мы лишь подтягиваем к себе. Тогда эта жизнь превращается в фотографию, в информацию. Классическое произведение — хочешь не хочешь — заставляет дотянуться до его уровня. А это, конечно, огромный стимул в творчестве. Когда художник проходит через классика, он и современность воспринимает иначе.

Планы? Пока только подступы. Меня волнуют и проблемы экономические — хотел бы сделать фильм о сибиряках, о их нелегком труде, о их жизни, и вопросы мира — если раньше снимал фильмы о войне, то сейчас мечтаю о ленте политической, повествующей о том, чего стоит достижение мира, сохранение его... И снова мама как бы присутствует рядом — со своим вечным стремлением жить по добру, в ладу со всеми... Каждому я хочу сегодня сказать: берегите своих матерей, поклонитесь им низко, до земли.

Рассказ записала
Т. ИСАКОВА.

Фотография из семейного альбома Матвеевых. Евгений Семенович с матерью Надеждой Федоровной. 1959 г.